

Веч. Москва. — 2000. — 23 июля. — С. 7

Про что не поет Сьюзан Вега

Макс ГОРЕЛИК

Вега — звезда, но на Джексона или Пугачеву не похожа. Просто она из другой галактики. Загадочная и одинокая. Блуждающая и светящаяся. Но, как и все, выпускает альбомы, занимает места в чартах и ездит на гастроли.

Кажется, Вега оказалась в Москве случайно. Просто шла по Арбату с гитарой на ремешке и вдруг решила заглянуть в клуб «Мираж». Обычная девушка. Худышка, бледная, волосы свободно свисают на плечи, для законченности образа хиппушки не хватает только фенечек на обеих руках. Сьюзан... Красивое имя. И голос тоже. И глаза...

Ей уже около сорока, но на сцене она выглядит на двадцать. Аура! Пафос слетает с гостей, как газовый шарф. Во время первой же песни публика садится на пол перед сценой. Похоже, зрители тоже с Арбата.

На сцене — Сьюзан и ее басист, трогательный мужичок в бейсболке. Он все понимает без слов. Полконцерта Сьюзан обходится без него — и он кротко стоит в сторонке. Во время знаменитой Tom's Diner Сьюзан не нужна даже своя гитара. Легкая детская мелодия звучит под аккомпанемент зала: в припеве нет слов, только «та-та-та».

Максим ГОРЕЛИК

Тем временем выясняется, что Вега любит поговорить. Каждая песня предваряется примерно таким комментарием:

«Как-то я была воспитательницей в летнем лагере и влюбилась в одного юношу. Эта песня посвящается ему...».

Или: «Сейчас я вам спою песню, там есть такие слова: «Слишком большой для тебя, слишком маленький для меня». В Англии почему-то решили, что это о пенисе. Эй, российские журналисты, если вы есть в зале! Напишите, что эта песня не о пенисе. У меня вообще не так много песен про пенис!».

Наконец, Сьюзан снимает гитару и берет в руки книгу. Свою. С большим портретом на обложке. Читает свой рассказ. Предупреждает, что короткий, но на самом деле он длится больше десяти минут. Ее все равно внимательно слушают. Не так много звезд, которые пишут книги.

Рассказ, конечно, на английском. Переводчика нет. Все понимают по-разному. Аккуратная особа в белой блузке, стесняясь, переводит мне: «Когда Сьюзан было шесть лет, ей сказали слово, означающее ммм... проститутку...». Рыжая дылда, стриженная под мальчика, добавляет: «Да просто слово «сука». Там все дело в одной букве. Если бы ей сказали это слово чуть по-другому, то она поняла бы его сразу, а не много лет спустя, и не писала бы об этом рассказ».

...Сьюзан вызывают на бис. Она выходит, и вновь открывает свою книгу. Отрывок про Кафку с Достоевским: «Достоевский — это мышь». Этого уже не понимает никто. А Сьюзан уходит дальше бродить по Арбату, по Земле и по космическим глубинам своего одиночества.